

УДК 94(47+57)«1900-1940»
DOI: 10.17223/19988613/64/17

И.В. Сидорчук

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-20006
«Российская наука в эпоху системных трансформаций, 1914–1934 гг.».*

ПРОБЛЕМА КОМПРОМЕТАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «БОЛЬШОЙ НАУКИ»

Осуществлена попытка рассмотрения особенностей изменений установок в области гуманитарного знания на основе нескольких кейсов из истории отечественной науки конца XIX – первой трети XX в. Речь идет о проектах радикального пересмотра методов гуманитарных наук. Автор приходит к выводу, что подобные идеи являлись неотъемлемой чертой поля научных экспериментов периода системной трансформации научного знания и создания «большой науки». При этом они могли приводить к девальвации и компрометации гуманитарного знания.

Ключевые слова: история науки; наука и власть; методы гуманитарных наук; наука в СССР; братья Гордины.

По мнению литературоведа Ихаба Хассана, известного своими работами по исследованию постмодернизма, несмотря на то что современность всегда стремилась провозгласить смерть культурных форм, «гуманитарные науки меняются и все еще сохраняют свою прометеевскую роль». Дух исследователя и преобразователя жизни вдохновляет их представителей и показывает их истинную смелость и магию, являясь залогом спасения их дисциплин [1. Р. 600, 611]. Подобные рассуждения, призванные утвердить веру в значимость гуманитарного знания, весьма типичны в условиях распространенности критики авторитета официальной науки и частой неочевидности границ науки и околонатуры. Проблемы приспособления под чужие, подчас крайне невыгодные для них, правила игры, формирования аутоимиджа и борьбы с угрозой маргинализации из-за своей чистой академичности в сочетании с дисциплинарной изоляцией и отчужденностью от естественных наук видятся актуальными как отечественным, так и зарубежным ученым [2, 3]. Для России подобная ситуация не нова, учитывая противоречивость насыщенного социально-политическими и идеологическими изменениями XX века. [4. С. 3–4], когда вектор развития научного и технического знания зависел не только от решений непосредственно ученого сообщества, но и от воли государства, являвшегося главным, а в советских условиях и единственным источником его финансирования. В данной работе нам бы хотелось обойти традицию обращения к 1917 г. как к границе в истории науки, так как период строительства «большой науки», под которой, вслед за А. Кожевниковым, мы понимаем результат реформирования науки, включавший в себя создание новой, поддерживаемой государством институциональной системы исследований, национальную сеть исследовательских институтов и ориентацию на национальные практические потребности, начался раньше [5. С. 88–89]. Ключевым в переходе к нему для России, как и для ряда других стран, стало начало Первой мировой войны [6–8]. Она

нанесла сильнейший удар по научному интернационализму, и идея общечеловечности науки сменилась ее пониманием как способа помощи стране и нации, носителями и пропагандистами которого являлись в том числе и ученые [9. Р. 49]. В статье предпринята попытка на основе нескольких кейсов из истории отечественной науки рассмотреть некоторые особенности изменений установок в области гуманитарного знания, которые, как нам представляется, могут дополнить картину истории отечественной науки и допускают актуализацию на современном этапе развития научного знания.

Неслучайным фоном существования гуманитарных наук в рассматриваемый нами период являлось наличие стремления к редуцированию устоявшегося научного знания, что могло сочетаться как с попытками подрыва доминирующих консервативных устоев, так и с научным ревизионизмом. Практики компрометации той или иной теории в рамках гуманитарных дисциплин традиционно связываются с ранним советским периодом, хотя такие их составляющие, как подчинение идеологической схеме, безапелляционность и провозглашение альтернативны лженаукой, отнюдь не являются творением большевиков и борцов за марксизацию 1920–1930-х гг. Например, студенты в императорской России в рамках обязательного университетского курса богословия почти наверняка слышали про опасность «лжеучений», способных отвести молодого человека от пути истинного христианина. Так, занимавший более 40 лет (1874–1915) кафедру богословия в Санкт-Петербургском университете В.Г. Рождественский сообщал о «новейших врагах Христова», более опасных, чем гонители христианства прошлого, «потому что новейшие враги Христова действуют оружием несравненно более опасным, чем даже огонь и меч, каким действовали гонители первых христиан: они действуют оружием искусного слова, авторитетным именем науки, распространяя под знаменем последней разнообразные лжеучения, прельщающие умы не-

опытные своей новизной, лстящие человеческой гордости, в особенности человеческой чувственности» [10. Стб. 1585]. Таким образом, профессора богословия, транслируя с кафедры или амвона университетской церкви идеи верности монархии и веры как необходимой составляющей научного познания, давали прекрасный пример критики неугодных теорий, далекий от академических дискуссий.

При этом взамен подчас предлагались идеи, далекие от научности и лишь способствовавшие компроматации и дискредитации гуманитарного знания. Ярким примером является творчество Дмитрия Павловича Мартынова (1856–1900). Он был сыном священника, окончил Ярославскую духовную семинарию, после чего поступил на физико-математический факультет Московского университета. До 1886 г. преподавал математику в различных провинциальных гимназиях, а затем был назначен инспектором народных училищ Новгородской губернии. С 1891 г. и до своей кончины являлся директором народных училищ Олонецкой губернии [11. С. 1–2]. Его коллеги видели в нем искренне преданного своему делу человека, много сделавшего для развития образования в регионе [12]. Он являлся преданным сторонником режима, стремившимся распространить то же верноподданничество среди учащихся. В предисловии к своей книге для чтения по отечественной истории он заявлял, что «каждый русский человек с юных лет должен возлюбить свою веру, своего царя и свое отечество – возлюбить их всем сердцем своим и всем помышлением своим», а следовательно, курс истории в народных училищах должен быть курсом «первой любви» к ним [13. С. 2 обл.]. Стоит ли говорить, что книга изобилует предвзятыми интерпретациями и искажениями прошлого страны [14]. Известность же он получил благодаря идеям в области языкознания. Именно с ним Н.С. Трубецкой сравнивал создателя «нового учения о языке» Н.Я. Марра [15. Р. 317] благодаря книге «Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания» (1897), ставшей популярной у психиатров и поэтов-авангардистов. В ней Мартынов, в частности, утверждал, что вся речь происходит от слова «есть». А вот пример объяснения происхождения слов: «А что есть истина? Отвечаю: истина есть истень=ястень=ясьть=ясьсь=яцьць=ць! ць! ць!.. Вот начало и вот конец премудрости! *Безпрерывное богоначертанное мировое ядство, безпрестанно создающее более совершенных ядов – вот что есть истина*» [16. С. 91]. Психиатр Е.П. Радин упоминал Мартынова в связи с появлением языка кубофутуристов и уверенно признавал душевнобольным [17. С. 29].

С приходом к власти большевиков тема защиты гуманитарного знания не потеряла своей актуальности, но по иным причинам: отныне внимание стало концентрироваться на развитии технических и естественнонаучных дисциплин. Техника являлась в глазах руководителей Советской России ключевым фактором успеха в защите и экспансии революции, а также в культурном преображении человека, причиной чего стали создание некоего «культы машины», ориентация на передовую западную промышленность и стремле-

ние уподобить жизнь строителей коммунизма работе хорошо отлаженной машины [18. Р. 145–149]. Советские лидеры постоянно озвучивали идею о ликвидации технологического отставания от Запада как важнейшей составляющей в условиях идеологической конфронтации и угроз национальному суверенитету. В.И. Ленин в первые годы после прихода к власти заявлял, что надо или «преодолеть высшую технику, или быть раздавленным» [19. С. 53]. В ряде интервью американским изданиям он говорил о том, что экономические связи с Америкой, наиболее промышленно развитым государством, жизненно важны для России, и американские промышленные изделия будут нужны ей более, чем товары любой другой страны [20. С. 174; 21]. Впоследствии лозунг «догнать и перегнать» брался на вооружение И.В. Сталиным и Н.С. Хрущевым, об этом говорили Г.К. Орджоникидзе [22. С. 261] и Л.Д. Троцкий [21. С. 46]. В то же время лидеры партии прекрасно понимали свою некомпетентность в вопросах техники, и этим во многом объясняется более лояльное отношение к техническим специалистам и их политическим взглядам, нежели к гуманитариям. Один из самых ярких примеров – И.П. Павлов, который мог позволить себе не сдерживаться в критике новой власти. Также можно указать на химика В.Н. Ипатьева, убежденного монархиста, до конца 1920-х гг. продолжавшего работать в России [23. Р. 87]. Ученые были нужны в качестве экспертов, а не властителей дум и культурной элиты, на что они претендовали в дореволюционный период. Главным аргументом в пользу поддержки той или иной образовательной и научной инициативы была не столько идеологическая актуальность, сколько «прикладной, практический характер предлагаемых проектов; их нацеленность на решение актуальных задач “государственного строительства”» [24. С. 415].

Следствиями новых установок власти в отношении науки также стала борьба с едва ли не сакральной для дореволюционной профессуры идеей академической свободы и пренебрежительное отношение к «чистой науке». Среди ученых, начавших сотрудничество с новой властью, весьма яркие публицистические тексты писал об этом филолог-славист, ректор Петроградского / Ленинградского университета с 1923 по 1925 г. Н.С. Державин [25]. В частности, он декларировал неизбежность забвения старой интеллигенции и ее идеалов: «Законы природы везде одни и те же. Старая интеллигенция умерла, потому что ее классовая идеология в процессе развития жизни сыграла свою роль и перестала быть живым началом в новых условиях жизни, живым началом, отвечающим интересам новых общественных отношений» [26]. Своего апогея утверждение примата развития технологических знаний достигло в период Первой пятилетки, когда все силы должны были быть брошены на решение практических задач ускоренного развития промышленности. В 1928 г. Н.И. Вавилов, тогда директор Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, в заметке об изменениях в научной работе Академии наук замечал: «Новый устав Академии наук, расширение числа кафедр по естественно-историческим, эконо-

номическим и техническим наукам представляет крупный шаг, соответствующий общему развитию научно-исследовательской работы в нашей стране... Новые штаты впервые уделяют внимание также техническим наукам. При огромном значении техники, которая характеризует наше время, этот смелый почин союзного правительства и Академии наук, порывающей с традицией, нам представляется глубоко правильным» [27].

В подобных условиях идеи полного переосмысления роли гуманитарного знания не могли не найти и радикальных сторонников. Одними из мыслителей, наиболее громко заявившими об этом уже в первые послереволюционные годы, были известные анархисты братья Аба и Вольф Гордины. Настроенные на сотрудничество с большевиками, они разработали массу планов обустройства человеческой жизни, в которых особое место отводилось именно технике. В июле 1918 г. Вольф отправил в Научный отдел Наркомпроса записку о субсидировании издания его философского труда «Пантехникализм». В ней он описал актуальность своей работы, над которой, по его заверению, работал 20 лет. Задачей труда, претендующего на то, чтобы «делать эпоху», он видел «опровержение всех основных начал науки, отрицание теории познания и.д. и утверждение истинности одной лишь техники» [28. Л. 14]. Также он отмечал, что «труд заслуживает внимания и субсидирования его издания именно из-за его новизны, нешаблонности, отсутствия ходячих истин, отступления от всего общепринятого, освященного традициями и заветами авторитетами»: «Класс, сумевший освободиться от политической власти буржуазии, должен уметь и освободиться от духовных цепей науки буржуазии». Россия крайне бедна техническими познаниями, поэтому «такой апофеоз техники – и пусть односторонний и преувеличенный – ничего кроме пользы принести не может» [Там же. Л. 14–15]. Идея не была поддержана, так же как и разработанный им позже проект международного языка, в котором вместо букв использовались только цифры [29. С. 792–794].

Идеи Гординых благодаря другим их публикациям достаточно широко известны, чего нельзя сказать о целом ряде авторов поистине нетривиальных теорий реформирования научного знания, например о выпускнике Петербургского историко-филологического института, а в 1920-х гг. преподавателе Вятского педагогического училища Павле Михайловиче Арбузове [30]. В современной литературе подчеркиваются его эрудированность и талант, позволившие воспитать много выдающихся литераторов и журналистов [31], однако нам он интересен как создатель рукописи «Метод научного синкретизма», датированной 13 ноября 1926 г., которую он отправил Н.Я. Марру. В сопроводительном письме он утверждал, что «подобно тому, как научный коммунизм представляет собой учение, материалистически доказывающее неизбежность наступления коммунизма, научный синкретизм ставит своей целью материалистически доказать неизбежность наступления эпохи синкретизма. Научный синкретизм с этой точки зрения есть коммунизм идей, как параллель научному коммунизму – коммунизму людей» [32. Л. 3].

Метод научного синкретизма «является методом, при помощи которого можно достигнуть слияния наук в единую науку, как при помощи диалектического метода материализма можно добиться осуществления будущего коммунистического общества». Автор связывал свою теорию с идеями И. Канта, «Социализмом науки» А.А. Богданова и «Теорией исторического материализма» Н.И. Бухарина. Реализация идеи на практике потребовала бы «просмотра всех существующих наук» и привела к созданию некоего единого научного знания: «Но представьте себе, что синкретизм завоевал себе признание, что специальными синкретическими институтами проработаны все те науки, которые могут быть подвергнуты такой обработке. Что тогда получится? Получится совсем неожиданная картина хранения знаний. Какая же это картина? Для значительной части знания нужды в библиотеках не будет, потому что каждый будет в состоянии иметь свою библиотеку основного знания, а эта библиотека будет состоять всего из двух книг: одна книга будет изложением основной науки, включающей в себе все основное знание; вторая книга будет словарем, с помощью которого можно будет переводить эту науку или с литературно-художественного текста основной науки в какое-либо литературное произведение. Вы находите нужную Вам страницу книги, открываете нужную Вам страницу словаря и переводите содержание основной науки на язык той науки, или типа художественных произведений, которые Вас интересуют» [Там же. Л. 6]. При этом, как и многие истинные революционеры (и как его адресат Н.Я. Марр), он не сомневался в торжестве своего метода: «Нет никаких сомнений в неизбежности наступления эпохи коммунизма – коммунизма людей; не может быть никаких сомнений и в неизбежности наступления эпохи научного синкретизма – коммунизма идей. Наше представление о нем может быть далеко не точно, но синкретизм неизбежно придет, как неизбежно придет и коммунизм» [Там же. Л. 7–7 об.].

Выбранные нами примеры – одни из наиболее ярких и, к счастью, не получившие достаточной поддержки. Одновременно они являлись доведенными до радикализма идеями, транслировавшимися как учеными, так и властью: пересмотр гуманитарного знания на новых основаниях, жесткая привязка к официальной идеологии, принцип пользы как основной аргумент за их реализацию. Как и «бумажная архитектура» советского авангарда, подобная «бумажная наука» интересна в качестве дополнительной характеристики климата эпохи. Феномены Мартынова, Гординых или Арбузова, равно как и значительной части тех, кому были адресованы их труды, – с одной стороны, пример работы эффекта Даннинга-Крюгера [33], выпадов уверенных в своей правоте слабых ученых, покушающихся на ниспровержение устоявшихся догм. С другой – неотъемлемая черта поля научных экспериментов, приводивших к девальвации, дискредитации и компрометации гуманитарного знания и не вызвавших достойного отпора ученого сообщества и власти. Позже это затронет и остальные науки. В 1930 г. профессор кафедры математики Педагогического института им. А.И. Герцена в

Ленинграде и один из главных инициаторов реформы преподавания математики Л.А. Лейферт утверждал, что в области общественных наук «пробил уже последний час идеализма и метафизики. Философия и общественные науки СССР уже могут и развиваются только на основах диалектического материализма Маркса–Энгельса–Ленина, только диалектический материализм осуществляет свое руководство в области

общественных наук». Очередь была за естественными и техническими, ведь «общий размах культурной революции требует таких же темпов в перестройке всех наук, под новым пролетарским руководством» [34]. Лейферта в 1938 г. расстреляют, но его призывы начнут воплощаться, в частности, в лысенкоизме, борьбе с кибернетикой и отстаивании «национальных приоритетов» в области науки и техники.

ЛИТЕРАТУРА

- Hassan I. The Educated Heart: The Educated Heart: The Humanities in the Age of Marketing and Technology // *The Antioch Review*. 2015. Vol. 73. № 4. P. 600–611.
- Баранова Е.В. Соотношение гуманитарной и технической составляющих в системе образования студентов технических вузов // *Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2016. Т. 22, № 1. С. 121–124.
- Mittelstrass J. Humanities under Pressure // *Humanities*. 2015. № 4. P. 80–86.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 1. 206 с.
- Кожевников А. Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов*. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 87–111.
- Дмитриев А.Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой Мировой войны*. СПб. : Нестор-История, 2007. С. 32–56.
- Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 6 (88). С. 10–38.
- Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1996. № 3. С. 3–24.
- Crawford El. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 158 p.
- Рождественский В.Г. О долге исповедания веры // *Церковный вестник*. 1901. 13 дек. № 50. Стб. 1585–1588.
- Д[митрий] П[авлович] Мартынов [1856] † 28 мая 1900 г. : [некролог, речи и стихотворения по поводу его кончины]. Петрозаводск : Губернская тип., 1900. 24 с.
- Ширишова О.Б. Педагогическая деятельность Д.П. Мартынова как пример организации дела народного просвещения в регионе в конце XIX в. // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология*. 2017. Вып. 3. С. 73–78.
- Мартынов Д. Русская история в самых простых рассказах со сборником исторических стихотворений : для школы и народа. М. : Тип. Э. Лесснера и Ю. Романа, 1894. 98 с.
- Сидорчук И.В., Мосенд М.С. Курс «первой любви к вере, царю и отечеству»: Д.П. Мартынов и его книга по истории для народных училищ // *Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Междунар. науч.-теор. конф., 25–26 октября 2019 г.* СПб. : Политех-Пресс, 2019. С. 469–473.
- Jakobson R. Autobiographical notes on N.S. Trubetzkoy // *Trubetzkoy N.S. Principles of phonology*. Second print. Berkeley ; Los-Angeles, 1971. P. 309–323.
- Мартынов Д.П. Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1897. 91 с.
- Радин Е.П. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. СПб. : Н.П. Карбасников, 1914. 48 с.
- Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York : Oxford University Press, 1989. 308 p.
- Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М. : Гос. изд-во, 1920. 160 с.
- Шпотов Б.М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. // *Экономическая история : ежегодник*. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 2005. Т. 2005. С. 172–196.
- Супоницкая И.М. Американизация Советской России в 1920–1930-е гг. // *Вопросы истории*. 2013. № 9. С. 46–59.
- Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2011. 477 с.
- Graham L.R. Science in Russia and The Soviet Union. A Short Story. Cambridge University Press, 1993. 352 p.
- Долгова Е.А. «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 405–416.
- Державин Н.С. Высшая школа и революция. М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. 46 с.
- Державин Н. Трагедия интеллигенции // *Последние новости*. 1923. 26 марта. № 13 (35). С. 2.
- Перед выборами новых академиков // *Ленинградская правда*. 1928. 12 мая. № 109. С. 2.
- Записка В. Гордина о его труде Пантехникализм. 24 июля 1918 г. // *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. А2307. Оп. 2. Д. 159. Л. 14–15.
- Аролович А.В. Концепция слова и языка у русских анархистов-универсалистов начала XX в. // *Анархизм: pro et contra : социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей : антология*. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. С. 788–797.
- Сидорчук И.В. От триумфа до гротеска: развитие идей междисциплинарного синтеза в гуманитарном знании в России первой трети XX в. // *История : электрон. науч.-образ. журнал*. 2012. № 7 (15). С. 32–33. URL: <http://history.jes.su>
- Рашковский А. Из переписки Е.Д. Петряева и Павла Михайловича Арбузова и выдержек из рукописей П.М. Арбузова // *Топос : сетевое изд.* 2013. 25 апр. URL: <http://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/lyubopytnye-podrobnosti-zhizni-v-vyatskom-krae> (дата обращения: 05.07.2019).
- Арбузов П. Метод научного синкретизма (материалистический синкретический метод схватывания) // *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН)*. Ф. 800. Оп. 3. Д. 4.
- Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1121–1134.
- Лейферт Л. Математика и диалектический материализм // *Ленинградский университет*. 1930. 15 дек. № 4-5 (57-58). С. 2.

Ilya V. Sidorchuk, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru
THE PROBLEM OF COMPROMISING HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN RUSSIA DURING THE CREATION OF THE “BIG SCIENCE”

Keywords: history of science, science and state power, methodology of Humanities, science in the USSR, the Gordin brothers.

The purpose of the research is analysis of the features of changes in attitudes toward the Humanities in Russia during the construction of the “Big Science”. The author turned to the problem of compromising and discrediting humanitarian knowledge, which is still topical. He considered the ideas of such little-known figures of Russian science and education as Dmitry Martynov, Wolf Gordin and Pavel Arbuzov.

The research based on published works of chosen scholars and manuscripts of their works and correspondence found in the collections of the State archive of the Russian Federation and the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The author also used the works of their contemporaries: scientists and politicians, which allowed understanding their attitude toward the role and importance of humanitarian knowledge during the large-scale social transformations of the 1st third of the 20 century.

Time of building “Big Science” was characterized by a desire to scientific revisionism, to reduce established scientific knowledge, which could be combined with attempts to undermine the dominant conservative customs and practices. Instead, they could offer theories that were far from scientific and contributed to compromising and discrediting humanitarian knowledge. Bright examples are the ideas of Dmitry Martynov, especially his language theory. With the coming to power of the Bolsheviks, the topic of protection of humanitarian knowledge has not lost its relevance, but for other reasons: attention began to focus on the development of technical and natural science disciplines. In such circumstances, the idea of a complete rethinking of the role of humanitarian knowledge found radical supporters. One of the thinkers who most loudly declared this was the anarchist Wolf Gordin. In his unpublished book “Pantechicalism” (1918) he wrote about the need to refute all the basic principles of science and assertion the truth of technology alone. Another striking example of a non-trivial theory of reforming scientific knowledge, which appeared in the first post-revolutionary years, is the “method of scientific syncretism” proposed by Arbuzov to Nikolai Marr. In it, he argued that scientific syncretism is a communism of ideas, and all sciences must be combined into one.

The author comes to the conclusion that the chosen examples were ideas transferred by both scientists and the authorities, but brought to radicalism: revision of humanitarian knowledge on new grounds, strict subordination to the official ideology, and the principle of utility as the main argument for their implementation. Such “paper science” is interesting as an additional characteristic of the climate of the era. On the one hand, the phenomena of Martynov, Gordin, or Arbuzov are example of the Dunning-Kruger effect. On the other hand, it is an integral feature of the field of scientific experiments that led to the devaluation of humanitarian knowledge.

REFERENCES

- Hassan, I. (2015) The Educated Heart: The Humanities in the Age of Marketing and Technology. *The Antioch Review*. 73(4). pp. 600–611. DOI: 10.7723/antiochreview.73.4.0600
- Baranova, E.V. (2016) The relationship of humanitarian and technical components in the system of education of technical university students. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 22(1). pp. 121–124. (In Russian).
- Mittelstrass, J. (2015) Humanities under Pressure. *Humanities*. 4. pp. 80–86.
- Mogilnitsky, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [History of historical thought of the 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kozhevnikov, A. (2003) Pervaya mirovaya vojna, Grazhdanskaya vojna i izobretenie “bol'shoy nauki” [The First World War, Civil War and the invention of “Big Science”]. In: Smirnov, N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov* [Power and science, scientists and power: 1880s – early 1920s]. St. Petersburg : Dmitriy Bulanin. pp. 87–111.
- Dmitriev, A.N. (2007) Ot akademicheskogo internatsionalizma k sisteme natsional'no-gosudarstvennoy nauki [From academic internationalism to the system of national-state science]. In: Kolchinsky, E.I., Bayrau, D. & Layus, Yu.A. (eds) *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy Mirovoy vojny* [Science, technology and society of Russia and Germany during the First World War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 32–56.
- Dmitriev, A.N. (2007) “Akademicheskii marksizm” 1920–1930-kh godov: zapadnyy kontekst i sovetskie obstatoyatel'stva [“Academic Marxism” of the 1920s–1930s: Western context and Soviet circumstances]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(88). pp. 10–38.
- Aleksandrov, D.A. (1996) Pochemu sovetskie uchenye perestali pechatat'sya za rubezhom: stanovlenie samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoy nauki, 1914–1940 [Why Soviet scientists ceased to be published abroad: the formation of self-sufficiency and isolation of Russian science, 1914–1940]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3. pp. 3–24.
- Crawford, El. (1992) *Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rozhdestvensky, V.G. (1901) O dolge ispovedaniya very [On the duty of faith confession]. *Tserkovnyy vestnik*. 50. 13th December. Col. 1585–1588.
- Anon. (1900) *D[mitriy] P[avlovich] Martynov [1856] † 28 maya 1900 g.: [Nekrolog, rechi i stikhotvoreniya po povodu ego konchiny]* [D [Mitri] P [avlovich] Martynov [1856] † may 28, 1900: (Obituary, speeches and poems on his death)]. Petrozavodsk: Gubernskaya tipografiya.
- Shirshova, O.B. (2017) Pedagogicheskaya deyatel'nost' D.P. Martynova kak primer organizatsii dela narodnogo prosveshcheniya v regione v kontse XIX v. [Pedagogical activity of D. Martynov as an example of the regional public education organization in the late 19th century]. *Vestnik TvGU. Seriya “Pedagogika i psikhologiya”*. 3. pp. 73–78.
- Martynov, D. (1894) *Russkaya istoriya v samykh prostykh rasskazakh so sbornikom istoricheskikh stikhotvoreniy. Dlya shkoly i naroda* [Russian history in the simplest stories with a collection of historical poems. For the school and the people]. Moscow: Tip. E. Lessnera i Yu. Romana.
- Sidorchuk, I.V. & Mosents, M.S. (2019) [The course of the “first love for faith, the Tsar and the Fatherland”: D.P. Martynov and his book on history for public schools]. *Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva* [Communicative Strategies of the Information Society]. Proc. of the 11th International Conference. October 25–26, 2019. St. Petersburg: Politekh-Press. pp. 469–473. (In Russian).
- Jakobson, R. (1971) Autobiographical notes on N.S. Trubetzkoy. In: Trubetzkoy, N.S. *Principles of phonology*. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press. pp. 309–323.
- Martynov, D.P. (1897) *Raskrytie tayny yazyka chelovecheskogo i oblichenie nesostoyatel'nosti uchenogo yazykoznanija* [Disclosure of the human language mystery and denouncing the failure of scientific linguistics]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
- Radin, E.P. (1914) *Futurizm i bezumie. Paralleli tvorchestva i analogii novogo yazyka kubo-futuristov* [Futurism and madness. Parallels of creativity and analogies of the new language of Cubo-futurists]. St. Petersburg: N.P. Karbasnikov.
- Stites, R. (1989) *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- The RSFSR. (1920) *Stenograficheskiy otchet 4-go Chrezvychaynogo S'ezda Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov* [Verbatim report of the 4th Extraordinary Congress of the Soviet of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo.

20. Shpotov, B.M. (2005) Uchastie amerikanskikh promyshlennykh kompaniy v sovetskoj industrializatsii, 1928–1933 gg. [American industrial companies in the Soviet industrialization, 1928–1933]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya* [EconomicHistory]. Vol. 2005. Moscow: RAS. pp. 172–196.
21. Suponitskaya, I.M. (2013) Amerikanizatsiya Sovetskoy Rossii v 1920–1930-e gg. [Americanization of Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 9. pp. 46–59.
22. Shattenberg, S. (2011) *Inzhenery Stalina: Zhizn' mezhdru tekhnikoj i terrorom v 1930-e gody* [Stalin's Engineers: Life between technology and terror in the 1930s]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
23. Graham, L.R. (1993) *Science in Russia and The Soviet Union. A Short Story*. Cambridge University Press.
24. Dolgova, E.A. (2017) “Proektnaya nauka”: uchenye i mekhanizm gosudarstvennoy podderzhki nauchnykh initsiativ v postrevolyutsionnye gody [“Project science”: scientists and the mechanism of state support of scientific initiatives in the post-revolutionary years]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformations]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 405–416.
25. Derzhavin, N.S. (1923) *Vysshaya shkola i revolyutsiya* [Higher School and Revolution]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
26. Derzhavin, N. (1923) Tragediya intelligentsii [Tragedy of the intelligentsia]. *Poslednie novosti*. 13(35). 26th March. pp. 2.
27. Anon. (1928) Pered vyborami novykh akademikov [Before the election of new academicians]. *Leningradskaya pravda*. 109. 12th May. pp. 2.
28. Gordin, V. (1918) *Zapiska V. Gordina o ego trude Pantekhnikalizm. 24 iyulya 1918 g.* [V. Gordin's note about his work Pantekhnikalizm. July 24, 1918]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A2307. List 2. File 159. pp. 14–15.
29. Arolovich, A.V. (2015) Kontseptsiya slova i yazyka u russkikh anarkhistov-universalistov nachala XX v. [The concept of word and language in Russian anarchists-universalists in the early 20th century]. In: Bogatyrev, D.K. (ed.) *Anarkhizm: pro et contra: sotsial'no-politicheskoe yavlenie glazami ego rossiyskikh storonnikov, kritikov i otechestvennykh uchenykh-issledovateley* [Anarchism: pro et contra: a socio-political phenomenon through the eyes of its Russian supporters, critics and Russian researchers]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. pp. 788–797.
30. Sidorchuk, I.V. (2012) Ot triumfa do groteska: razvitie idey mezhdistsiplinarnogo sinteza v gumanitarnom znanii v Rossii pervoy treti XX v. [From triumph to grotesque: the development of interdisciplinary synthesis in humanitarian knowledge in Russia of the first third of the 20th century]. *Istoriya*. 7(15). pp. 32–33.
31. Rashkovsky, A. (2013) Iz perepiski E.D. Petryaeva i Pavla Mikhaylovicha Arbuzova i vyderzhek iz rukopisey P.M. Arbuzova [From the correspondence of E.D. Petryaev and Pavel Mikhailovich Arbuzov and excerpts from P.M. Arbuzov's manuscripts]. *Topos*. 25th April. [Online] Available from: <http://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/lyubopytnye-podrobnosti-zhizni-v-vyatskom-krae> (Accessed: 5th July 2019).
32. Arbuzov, P. (n.d.) *Metod nauchnogo sinkretizma (Materialisticheskij sinkreticheskij metod skhvatyvaniya)* [Method of scientific syncretism (Materialistic syncretic method of grasping)]. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPF ARAN). Fund 800. List 3. File 4.
33. Kruger, J. & Dunning, D. (1999) Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments. *Journal of Personality and Social Psychology*. 77(6). pp. 1121–1134. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1121
34. Leyfert, L. (1930) Matematika i dialekticheskij materializm [Mathematics and dialectical materialism]. *Leningradskiy universitet*. 4-5(57-58). 15th December. pp. 2.